

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Шиповаловой Лады Владимировны
«Научная объективность в исторической перспективе»,
представленную на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности
09.00.08 — философия науки и техники

Понятие «объективности» - ключевое в большинстве эпистемологических концепций. Различие трактовок этого понятия: приписывание ему особого статуса как принципа познания, вне действия которого нельзя положительно судить о целях познания, его ценностях и практической значимости, либо критика, призывающая его статус до конвенционального условия приемлемости знания, а то и вовсе исключающая его из набора требований к знанию – определяют границы между научными картинами мира и их философскими интерпретациями.

Эти споры захватывают и философию науки. Былая уверенность в том, что сам статус научного знания определен принципом объективности, уже давно сменилась критическим отношением к тем формам, в каких этот принцип выступал на разных этапах возникновения и развития науки. Сегодня ставится под сомнение смысл и ценность этого принципа. Что он даёт науке, может ли наука развиваться, не обращая на него внимания как на примелькавшуюся вывеску?

Актуальность диссертации Л. В. Шиповаловой – в том, что дискуссии вокруг принципа объективности не утратили остроты и приобрели новые смыслы, определяя собою направление в философии науки, захватывающее в единое («междисциплинарное») русло эпистемологию, социологию и историю науки. Диссертация претендует на обобщение исследований в этом направлении, по результатам которого можно судить о его значимости как для философии, так и для науки.

Работа начинается с предупреждения: «объективность» понимается здесь не как заведомо принимаемая предпосылка о ценности научного знания. Это понятие не может быть и выведено из специально-научного анализа – нельзя представить «науку об объективности науки» без того, чтобы попасть в порочный круг. Оно – предмет философии науки. Но исследовать этот предмет философия науки не может, не находясь на почве науки о науке (науковедения). На этой-то почве и обнаруживается проблематичность предмета. Главным проблематизирующим фактором становится история науки. «Контекстом проблематизации научной объективности выступает историчность – причем, в двух принципиальных аспектах: во-первых, это касается совместимости историчности и объективности как сущностных характеристик научной деятельности; во-вторых – утверждения исторического характера самой объективности» (с. 5).

Совместимы ли историчность и объективность как принципы развития науки? Если история науки даёт примеры того, как считавшиеся объективными и истинными научные теории сменяются другими теориями, не согласующимися со своими предшественницами и даже противоречащими им, и этот процесс неизбежен (критика представлений о развитии науки как линейной кумуляции истинных и объективных знаний слишком убедительна и уже не вызывает протестов), то можно ли говорить о принципе объективности как о ценностном регулятиве этого процесса? Этот вопрос особенно занимает философию науки нашего времени: как разрешить «противоречие между объективностью как характеристикой, отсылающей к единству природы научных объектов, и историчностью как тем, что связано с многообразием культуры научных субъектов» (с. 6).

Практически все направления в философии науки делят эти характеристики науки по различным основаниям. С одной стороны – исторические особенности науки понимаются как нечто привходящее, по большому счету – случайное, не имеющее отношения к существу научных проблем; с другой стороны, логика развития научного исследования понимается как нечто первичное (автономное) по отношению к исторически изменчивым характеристикам субъекта научного познания. Такая логика выступает как основание для «рациональной реконструкции» истории науки, после чего в ней не остается места собственно субъективным (например, личностным) факторам.

Следствием такого разделения оказывается релятивизм как антипод объективности. Если мы хотим избежать релятивизма, надо устраниТЬ разделенность. Но как это сделать? Ограничиться декларациями о их взаимообусловленности, взаимопроникновении и взаимополагании, значило бы топтаться на месте, делая хорошую («диалектическую») мину при плохой игре. Противоречие нельзя «заговорить», надо попытаться его разрешить. Собственно, этому и посвящена диссертация.

Главная мысль, служащая автору ключом к проблеме, заключается в том, что историчность следует понимать не только как условие, вынуждающее видеть в объективности проблему, но и как условие, позволяющее ее разрешить. Иначе говоря, внести историчность в содержание объективности и при этом избежать примитивно-релятивистских последствий. Задача не простая. Еще раз: главная опасность здесь – попасть в словесную паутину, подменить реальное движение понятий схоластическими выкрутасами.

Пусть «объективность научного знания» – понятие, смысл которого изменяется исторически, к тому же он зависит от сферы научной деятельности и контекста, в котором получает ценностное измерение. Тогда задача в том, чтобы выявить объективный смысл формирования и функционирования принципа объективности научного познания. На первый взгляд, как уже было сказано, это логический круг: объективность - условие исследования... самой объективности. Но он и возникает именно потому, что гносеологические понятия берутся в застывшем, лишенным историчности смысле. Надо оживить их, открыть историческому изменению. Понять объективность как цель познания, со временем приобретающую разные смыслы, взаимодействующие между собой.

Такую задачу легче сформулировать, чем разрешить. Методологический подход диссертантки выражен в следующем тезисе: «историчность объекта понимается как многообразие способов его обнаружения научным исследованием». Вдумаемся: ведь объектом гносеологического исследования здесь выступает само это исследование; подобная рефлексивность хорошо знакома философам – вспомнить хотя бы кантову «Критику чистого разума», которая, по сути, есть не что иное как доведенная до кульминации рефлексия рациональности. Она смотрит в самое себя как в зеркало, узнавая себя в нём, но поворачивая его так, чтобы видеть свои же собственные стороны в различных ракурсах, играя масштабами, расставляя акценты. При этом необходимо помнить, что всё это – действие с одним и тем же объектом, и не принимать его стороны и аспекты за него самого. Понимать, что объект иначе и не может представать перед нами, как только в многообразии своих свойств, к которым он всё же не сводится, ибо он сам – постоянное взаимодействие между ними. Иначе сказать, объективность – эта сверхцель науки – становится целью и для эпистемологического исследования, которое и есть рефлексия научной рациональности.

О том, что это тонкая, рискованная игра, в которую можно и заскочиться, говорит история самих понятий «объективности» и «историчности». Диссидентка прослеживает эту историю, придавая ей почти детективный характер: в различных современных определениях объективности (из философских научных словарей и энциклопедий) она усматривает следы споров об объективности, которые велись и ведутся как столкновения мировоззрений, фундаментальных предпосылок, каждая из которых полагает себя как нечто бесспорное и превосходное по отношению к другим. История спора возводится к античности и продолжается до наших дней. В чем суть этого спора, который, принимая различные формы, все же остается спором об одном и том же? Если спор так длителен, что кажется бесконечным, он ведётся о чём-то чрезвычайно важном, сверхценном. В чём ценность объективности?

В самом простом смысле объективность знания есть его защищённость от ошибки, от разноголосицы мнений, от привнесения в действительность того, чего в ней «на самом деле» нет, от искажения действительности в кривом зеркале субъективности. В этом смысле ценность объективности равна ценности истины. Заметим, что обе ценности определяются «негативно», через свою противоположность: истина – то, что ценно, ибо не ложно, объективность – то, что ценно, ибо не субъективно. Если «субъективность» и «объективность» разделены демаркационной линией, то все ценностные плюсы – на стороне «объективности», а минусы – на стороне «субъективности».

Но более пристальное внимание обнаруживает, что эта демаркация носит, так сказать, виртуальный характер. Дело в том, что её проводят тогда, когда субъект сталкивается с трудностями, принимая некоторое мнение за действительное знание – впадает в противоречия, обнаруживает безуспешность или бесполезность своих рассуждений, поступков, отношений с предметным миром и другими людьми. Пока таких трудностей нет, нет и смысла в демаркации. Всякое субъективное мнение могло бы с успехом называться объективным знанием, и наоборот. Не было бы мнений, отличных от знаний. Не было бы – но лишь до тех пор, пока не возникнут трудности, противоречия, рассогласования действий и целей и т. д.

Это и означает, что разделение так понимаемых «субъективности» и «объективности» носит исторический характер. Оно следует за непрерывным потоком человеческой деятельности, в которой меняются условия, цели, средства, предметы, ценностные характеристики – меняется всё, кроме одного, а именно целеполагающего характера деятельности. Условная граница между субъектом и объектом подвижна, она то теряет свои очертания, то вновь обретает их, она зависит от исторического развития субъективности. Но в то же время она зависит и от изменчивости «внесубъектной» действительности – источника трудностей субъекта, вновь и вновь меняющей границу между ним и действительным миром.

Мы видим, что уже с первой попытки более пристального взгляда на пресловутую «демаркацию», обнаруживается ее неустойчивость, временность. Когда же такие попытки повторяются и усложняются (вплоть до гуссерлевского поиска оснований объективности в самой структуре «Я»), историчность и временность буквально врываются в гносеологические построения, становятся их необходимыми условиями. Отсюда – необходимость анализа историчности и её ценностного статуса. И как легко предположить на основании сказанного, «субъективность» не должна оцениваться только «негативно» – как источник заблуждений и неудач.

Что понимать под «историчностью» знания? У этого понятия – разные смыслы. Наиболее важен из них смысл «тотальной историчности», когда изменению подлежат не отдельные фрагменты научного знания (понятия, теории, интерпретации экспериментов и пр.), а сами его основания, когда проблемы науки могут терять первоначальный смысл или исчезать, уступая место другим проблемам, которые также могут когда-нибудь разделить участь своих предшественниц; когда утверждается изменчивость идеалов и норм науки, «мягкость „жёсткого ядра“ науки как таковой» (с. 60). Именно этот смысл историчности наиболее проблематичен для философии науки, ибо он «безжалостно» ставит под сомнение культурную ценность науки (пределный релятивизм отрывает научное знание от ценности истины).

Что делать философу науки: согласиться с «тотальной историчностью» и капитулировать перед релятивизмом или противопоставить историчность науки внеисторической позиции эпистемолога, который ищет (где?) неизменные основания науки (ограничивая ее изменчивость только сферой положительных знаний)? Оба пути ведут к парадоксам и тупикам. Нужен третий путь.

Он рисуется следующим образом: философия науки берет задачу критики смыслов, приобретаемых «объективностью» как принципом познания на всем пути его развития – от генезиса до современных форм. «Быть историчным в данном случае значит содержать в своем основании конструктивную двусмысленность, которая служит условием развития понятия, взаимодействия смыслов, последующих противоречивых интерпретаций, а также возобновляющегося обращения к истоку из проблемной ситуации современности» (с. 62).

Так и намечается путь, на котором философия науки из свидетеля и аналитика развития науки, вынужденного терпеть неприятные следствия из «историчности», молчаливо соглашаясь с ними, превращается в участницу исторического движения научного познания, в поле взаимодействия уже существующих и рождения новых смыслов «объективности».

Мне импонирует эта идея. Для полного счастья философии науки недостаёт только её реализации: путь намечен, но его надо ещё пройти! Следующие высказывания автора можно, как мне представляется, рассматривать как напутствие: «Историчность даже в своём радикальном смысле, охватывающем базовые научные ценности, предполагающем внимание к последовательно актуализирующемуся противоречивым смыслам, несёт в себе конструктивное зерно, а не только опасность. Более того, именно доведенная до очевидности, до проблемной ситуации, опасность

релятивизма, создаёт необходимость обращения к историко-философскому анализу оснований научной деятельности, который оказывается одновременно их критикой и обоснованием» (с. 63).

По сути, это призыв: философия науки и история науки должны объединиться, что избавило бы их от пустоты абстрактного теоретизирования и слепоты «позитивной фактографии», по завету И. Лакатоса. Ему, как мы знаем, не удалось вполне осуществить свой замысел. Оценим смелость диссертантки, решившейся продолжить начатый им путь!

Современную эпистемологию можно узнать по характерному признаку: она стремится совместить ценность объективности с признанием неотделимости научного знания и его предметов от субъекта познания. Иными словами, она пытается придать «объективности» и «субъективности» сопряжённые смыслы (каждый из них не исключает, а предполагает присутствие другого), а их ценности - характер не абсолютной предпосылки, а того, что пребывает в постоянном изменении, меняя форму, значимость, взаимную определённость. Можно сказать ещё и так: современная эпистемология – это поле постоянно возникающих и постоянно же преодолеваемых сомнений в ценности своих собственных понятий.

Например, физика (и не только она) даёт основания для сомнения в независимости объекта наблюдения от наблюдателя, но она же свидетельствует о неизменности стремления к объективному знанию. В социальных и гуманитарных науках это ещё очевиднее. Далее, «классическое» понимание объективности (как независимости от субъекта) наталкивается на контраргумент: всякий познавательный акт есть конструирование субъектом своего объекта, и следовательно, уже в самом своём генезисе «объективность» заражена субъективностью. Следующий ряд аргументов связан с «деятельностным подходом» к процессу познания: между «субъектом» и «объектом» необходимо присутствовать медиатор – деятельность и её средства, имеющие очевидный социальный статус. Существуют и другие аргументы, идущие от герменевтики, теории «коммуникативной рациональности», «социального конструктивизма» и т. п. Все они по своему питают сомнения в принципе объективности, но в то же время демонстрируют не отказ от него, а стремление к преодолению этих сомнений.

Эта двойственность как будто превозмогается в крайних релятивистских концепциях. Они демонстративно порывают с «объективностью», низводят её до устойчивого предрассудка, для которого есть объяснения (социально-культурные, лингвистические, психологические), но нет необходимых оснований. Критике релятивизма отдано множество философских страниц, но характерна его живучесть: он остаётся заманчивой позицией для многих эпистемологов, которые не просто признают неизбежность согласия с ним, но даже ввидят в нём особую привлекательность. Релятивизм в их представлении - оружие борьбы с догматизмом, он придаёт науке «демократическую» окраску (нет абсолютов, нет непререкаемых мнений, нет всеобще признаваемой истины, каждый прав по-своему, решения относительно истинности или адекватности знания – суть конвенции, стремление к полноте истины – пережиток религиозных воззрений и т. д.). Релятивизм - знамя «интеллектуальной свободы», соединённой со своеобразной ответственностью: субъект отвечает только перед самим собой и расплачивается за свои заблуждения только личной неудачей.

Другая крайность – объективизм. Он также многократно подвергался критике, а после Э. Гуссерля связывался со скептицизмом и субъективизмом – своими парадоксальными следствиями. Одно из самых известных обвинений против него – его связь с ценностным индифферентизмом, которая в конечном счете приводит к утрате культурной функции науки, её «отчуждению». Как будто происходя из принципа объективности, «объективизм» на деле уничтожает его ценность, просто говоря, «препятствует преодолению субъективности» (с. 89), поскольку не дает увидеть подлинную проблематичность последней. «Объективизм» попперовской концепции «третьего мира» также уязвим, поскольку «онтология трёх миров», по большому счёту, искусственна, а вопрос о происхождении знания обрастает спекуляциями.

Эпистемология не может позволить себе маятниковое качание от одной крайности к другой. Поэтому следует рассмотреть «объективность» в её смысловом многообразии. Различаются «виды» объективности (механической, структурной, коммунитарной, онтологической, дисциплинарной и т.д.) в зависимости от уровня научного исследования, этапа развития науки,

социального статуса научного сообщества. Важно, что эти виды (смыслы) не сводимы друг к другу, их многообразие неизбежно и неустранимо. Здесь соблазнительна методологическая увёртка: если сомнение в объективности как ценности научного знания непреодолимо в одном из смыслов, то эта ценность сохраняется в других. Автор осознаёт недостаточность этой увёртки: она слишком отдаётся в релятивизмом. Действительно, какой из нередуцируемых смыслов важнее других, всё тем же релятивизмом. Приходится решать по-разному, в зависимости от каковы условия единства этих смыслов, почему они являются предпочтений эпистемолога. Но главное – чем объединяются эти смыслы, почему они являются смыслами именно «объективности», а не чего-то другого? Отвечая на такой вопрос, эпистемолог то и дело возвращается к «негативному» пониманию объективности как независимости от субъекта или к «позитивному» - когда под объективностью понимается нечто зависящее от согласия между субъектами познания, «парадигмальности» их действий, стандартизации познавательных процедур и т. д. В обоих случаях он попадает в старые колеи, ведущие к уже известным трудностям. И следовательно, такие ответы недостаточны. «История различных форм объективности должна быть рассмотрена в связи с прояснением вопроса о том, как и в каком смысле, становится «опасной», нежелательной та или иная форма субъективности» (с. 98). Это замечание, сделанное при рассмотрении взглядов Л. Дэстон, вообще-то можно и «обернуть»: ведь и история различных форм «субъективности» (как эпистемологического понятия) связана с трансформацией «объективности» в «объективизм» с нежелательными последствиями.

«объективизм» с нежелательными последствиями. Недостаточны и попытки расположить объективность по её «степеням» (Т. Нагель, А. Мегилл, Х. Дуглас и др.). «Абсолютная», «дисциплинарная», «диалектическая», «процедурная» объективности – каждый из этих типов имеет соответствующее описание, но как они могут быть упорядочены по возрастанию или убыванию какого-то признака? Автор предлагает вариант такой упорядоченности (с. 111), но в итоге получается, что речь идёт всё о той же независимости от субъекта, хотя и по-разному трактуемой.

Замечу, что это характерно для многих исследований: живые описания различных видов объективности (с опорой на научные концепции, с привлечением массы ярких примеров) часто ничем не заканчиваются, когда от описаний переходят к теоретическому синтезу – что такое «объективность», присущая всем этим видам, так и остаётся не выясненным. Или же приходится вновь и вновь возвращаться к тому, с чего поиск этих видов и их описаний начался – к пониманию объективности как «несубъективности».

К тому же часто перемешиваются смыслы: например, говорят об объективности математического (количественного) измерения каких-то сторон или свойств объекта и тут же соединяют это с «беспристрастностью», «незаинтересованностью» субъекта, как будто именно моральные добродетели определяют переход к количественным методам от качественных наблюдений! Туда же отнесем и рассуждения о степенях доверия со стороны других субъектов, скажем, коллег исследователя, которые тем скорее признают знание объективным, чем больше в нём будет математических выкладок, результатов признанных научных процедур (например, экспериментов), чем выше авторитет исследователя (основанный на прошлых успехах) и т. д. Мне даже показалось, что автор отчасти увлеклась этими разговорами, приняв их за характеристики различных форм объективности, тогда как они – на мой взгляд – представляют собой различные описания ситуаций, в которых слово «объективность» наполняется каким-то понятным содержанием (для тех, кто его употребляет), а потому не вызывает идиосинкразии, обычной, когда специалисты, работающие в конкретных областях науки, в том числе истории науки, вынуждены вести речь о философских категориях и их связях.

Диссертантка приписывает эту идиосинкразию влиянию позитивистской «установки» на «запрет... обсуждать философские дискуссии скептицизма и идеализма, а также сциентизма и релятивизма по поводу понятия объективности» (с. 126). Реликты позитивизма действительно здесь просматриваются, но, я думаю, никакие «запреты» не устояли бы перед желанием их нарушить, если бы... такое желание возникло и было достаточно сильным. Вопрос в том, почему это не так. Я думаю, что в обсуждении этого вопроса можно найти ключи к проблеме объективности, связав эту проблему с культурным контекстом нашего времени.

Мне нравится поисковая идея докторантки: нужно найти не только то общее, что есть у разных смыслов (видов) объективности, но и объяснить, почему многообразие этих видов необходимо.

Гипотеза такова: стремление к объективности не только преодолевает, но и конституирует субъективность. Дело в том, что стремление к объективности – это не только стремление к независимой реальности (негативный по отношению к субъекту смысл), но и стремление к согласию субъектов относительно содержания знания и его оценки, к «парадигмальности» познавательных действий, убеждение в существовании всеобщих структур мысли и общезначимых суждений (позитивный смысл по отношению к субъекту) (с. 127). Таким образом, объективность знания имеет два позитивных основания: независимую реальность и познающего субъекта.

Что может дать эта гипотеза? Не является ли она чисто словесным выходом из указанного выше противоречия? Ведь мало же заменить минус на плюс и назвать *позитивным* то, что ранее казалось *негативным*!

Устойчивость противоречия иллюстрируется феноменом, который в истории эпистемологии и философии науки последних десятилетий получил интригующее название «научных войн». Речь о длительной полемике между «реалистами» и «конструктивистами». В ней были и остаются противопоставленными назанные выше основания объективности. «Реалисты» склоняются к тому, что объективность определяется единством природы научных объектов и эпистемические критерии объяснения; «конструктивисты» пытаются сделать это, апеллируя к социальным практикам (следуя прагматическим критериям), в которых получает выражение принцип объективности. И те, и другие признают ценность объективности, но трактуют её по-разному. «Война» вызывается тем, что ни одна из сторон не признает никакой правоты за оппонентами; их позиции считаются непримиримыми. Отсюда поиски так называемой «новой объективности» - понятия, на котором сошлись бы враждующие лагери для мирных переговоров.

Но «война» вызывается не только эпистемологическими разногласиями. Расхождения здесь на почве философии культуры. Если наука – это род человеческой деятельности со всеми присущими последней ошибками и несовершенством, то нет «объективного знания», а научные теории – это лишь инструменты того или иного вида практики. Следовательно, объективная истинность не является фундаментальной культурной ценностью. По сути, спор между «реалистами» и «конструктивистами» - соперничество различных «культурных проектов». Докторантка полагает, что этот спор есть выражение и развитие «конфликта между естественно-научной и гуманитарной культурами» (с. 134). Я думаю, что упомянутый конфликт есть симптом более глубокого расхождения между антропоцентрическим и трансцендентистским мировоззрениями и соответствующими им системами культурных «универсалей» - ценностных ориентаций в социально-историческом пространстве.

Как эпистемологическая и философско-научная дискуссия, этот спор прошел разные стадии, обогатился новансами. В докторантской работе этот процесс прослежен с достаточной полнотой. Показано, что спорящие стороны осознают необходимость уточнения основных понятий, фигурирующих в нём. Например, конструктивисты внесли многочисленные и важные уточнения в само понятие «релятивизма», которое в упрощенной форме обременяло их эпистемологию подозрениями в произвольности оценок знания. Р. Рорти полагал, что ему удалось избежать примитивного релятивизма заменой «принципа объективности» на «принцип солидарности»: цель и ценность научного исследования воплощается в идее демократического, прогрессивного, плurallyстического сообщества, которое стремится к интерсубъективному согласию и высоко ценит исследовательскую новизну (с. 147). Это прагматистская позиция, суть которой в том, что ограничителем произвольности оценок знания (релятивизма) выступает не «объективная реальность» (которую трудно пригласить на роль рефери, когда наши оценки знания вступают в противоречие), а разумное, оправданное совместными практическими целями и опытом их достижения согласие субъектов познания.

Х. Патнем предложил концепцию «реализма с человеческим лицом», в которой описание «реальности» всегда исторически обусловлено и ограничено; здесь от «реализма», по сути, остаётся только вера в объективное существование этой реальности, способной в конечном счёте

обуздать произвол субъективного отношения к ней, но само это отношение насквозь пронизано историчностью и социальностью. В «сильной программе» Д. Блура реалистические мотивы вытеснены идеей социального конструирования как формы, так и содержания научных теорий; если соглашаться с ней, свойства и качества научных знаний зависят от свойств и качеств той социальной общности, в которой эти знания добываются и востребованы. Этим также по-своему «обуздывается» примитивный релятивизм: это опять-таки не произвол в оценках знания, а отношение этих оценок к социальным характеристикам научных сообществ. Тем самым философия науки, уже давно образовавшая симбиоз с историей науки, открывается для совместного действия с социологией, а затем и с психологией научного исследования. Приемлем ли «утончённый социализм», свойственный концепции Блура? Об этом спорят современные эпистемологи и философы науки.

Важнее то, что в продолжающийся спор вмешивается принцип историчности, который признают обе стороны. Он выступает для них связующим звеном. Я согласен с диссертанткой в том, что оппоненты зачастую преувеличивают свои разногласия в методологическом плане. Здесь-то как раз сближение идёт так далеко, что, кажется, уже и спорить всерьёз не о чём, ибо «нет реальной разницы между противостояниями» (с. 165). Но не случайно спор длится и даже обостряется в радикальности противостояний. В этой плоскости противопоставление принципа историчности научного знания принципу объективности – это спор о ценностном обустройстве культуры. И компромисс в этом споре достигается много труднее, чем в сфере компетенции методологов.

На мой взгляд, положительную перспективу в этом споре можно усмотреть на путях сближения философии науки и философии культуры. И мне кажется, что диссертация Л. В. Шиповаловой может быть понята как шаг в этом направлении.

Признаюсь, для меня было неожиданностью, что глава об историческом обосновании проблемы оказалась третьей по порядку. Но в этом есть своя логика. Диссертантка предпочла сначала ввести в суть дела и в содержание современных дискуссий, чтобы затем ещё раз взглянуть на их истоки в ретроспективе. Она пытается ответить на вопрос: связан ли тезис о многообразии смыслов объективности в их связях и взаимодействиях с европейской философской традицией или же эта традиция должна рассматриваться как предыстория только одного из современных смыслов? (с. 168).

На сцену выводятся два методологических подхода к историческому анализу: «антикваризм» и «презентизм». Первый – это стремление изобразить историческое событие в науке в его уникальности и подлинности («чем и как это было тогда, когда это было»), второй – дать представление об этом же событии с точки зрения сегодняшних научных знаний. Если речь об «объективности», то при первом подходе следует показать историю этого понятия, которое приобрело сегодняшний смысл не сразу, а в ходе эволюции, при этом сохраняется многозначность этого понятия в разные эпохи и в разных философских контекстах; при втором подходе задача в том, чтобы обнаружить современный смысл «объективности» (или его «эмбрионы») в этой традиции. Разумеется, в выборе смысла проявляется философская позиция «презентиста»: он как бы предполагает, что именно этот смысл обладает автономным существованием и непреходящей ценностью и заслуживает предпочтения перед другими смыслами.

Идея автора в том, что по отношению к «объективности» в европейской историко-философской традиции оба подхода совместимы. Неоднозначность этого понятия, открывающаяся «антикваристу», возбуждает и притягивает современный исследовательский интерес; последний же нацеливает на поиск такого смысла этого понятия, который бы обладал автономностью и не зависел от выбора «презентиста».

С этой позиции рассмотрены «случаи» Ф. Суареса, Р. Декарта, И. Канта – во всех них «объективность» обладает «сущностной конструктивной двусмысленностью». Это означает, что их взгляды могут быть подвергнуты противоречивым интерпретациям. В схоластической философии Суареса основание объективности усматривается как в актуально существующей вещи, так и в актуально существующем интеллекте. У Декарта «объективность» – концепт, выступающий посредником между реальностью мира вещей и реальностью интеллекта. Объективность связывается с совершенством субъективности, то есть преодоление несовершенства эмпирического

субъекта направлено к совершенству или Благу, в котором и достигается абсолютная всеобщность, выступающая как Абсолютная Цель, что и есть полное совпадение субъективности и объективности. У Канта объективность связывается с трансцендентальным субъектом, способным на всеобщие и необходимые суждения, и противопоставляется «эмпирической субъективности». Двусмысленность объективности у Канта выражена в понятиях «объективной значимости» и «объективной реальности». Негативный смысл объективности у него – это преодоление субъективности в ее временноти и историчности.

«Конструктивная двусмысленность» объективности – выражение глубинной проблемы свободы человека, одной из форм которой является научная деятельность. Её ценность в том, что она объединяет стремление к познанию независимой реальности с необходимой для этого правильной организацией этого стремления. Обе эти стороны на равных входят в содержание научной объективности, а при анализе выступают внешне противоречивыми основаниями современного понимания науки.

В четвертой главе делается заключительный вывод: связь «объективности» и «историчности» предстаёт в двух, взаимодополнительных смыслах. Когда объективность предстаёт перед исследователем, проявляясь в инвариантности и самотождественности объектов, историчность выглядит как ее антипод и разрушитель. Когда же объективность проявляется в историчности, сложности объекта, позволяя ему постоянно «раскрываться» новыми, ранее неисчерпаемыми, сторонами, историчность «указывает» на объективность, выступает неизвестными и нежиданными сторонами, историчность «указывает» на объективность, выступает от её имени.

Здесь я бы указал на трудность, связанную с «объективностью объектов». Чтобы не быть плеоназмом, этому термину нужны разъяснения. Существуют ли «исчерпаемые» или абсолютно «простые» объекты? Думаю, что можно коротко ответить: «нет». Это значит, что все объекты объективны, и с этой тавтологией ничего поделать нельзя. Когда же в познании они предстают в своих «инвариантных» и «самотождественных» презентациях, то это означает только то, что на какой-то (исторически или прагматически обусловленной) стадии, познание делает временную «остановку», принимая «презентацию» за презентируемый объект. Вот здесь и должен сказать своё слово принцип историчности: его роль в том, чтобы не позволить уравнять «презентирующее» и «презентируемое», принять временную остановку познания за его конечный пункт. Если эта роль не выполняется (или выполняется плохо), принцип историчности превращается в принцип неисторичности, т. е. в свою противоположность. И уже в этом вывернутом наизнанку виде становится антиподом и разрушителем объективности.

В этом смысле, и кажется, только в этом, принцип историчности и принцип объективности действительно дополнительны по смыслу. Они просто не могут быть отделены друг от друга, а если такое отделение всё же кем-то производится, то оба фигурирующих в них понятия «опустошаются» такими же эпистемологическими тупиками, где сливаются в объятиях примитивного релятивизма.

Собственно, вся четвертая глава диссертации есть развернутая аргументация этого положения.

В заключение – несколько критических замечаний. Я бы возразил против одной из формулировок, в которых отмечается новизна исследования. Если докторантка полагает, что в её работе научная объективность впервые подверглась систематическому анализу как конститутивная проблема философии науки (пункт 1), то это, скорее всего, слишком большая претензия; скорее, по-моему, речь идёт о новой интерпретации принципа объективности в рамках той философии науки, которая близка убеждениям докторантки.

Как уже ясно из предыдущих замечаний, я не стал бы прямо приравнивать «историчность объекта» многообразию «способов его обнаружения научным исследованием», чтобы обосновать тезис о том, что историчность не противоречит объективности. Во-первых, сам термин «историчность объекта» имеет и другие смыслы (например, при характеризации исторически развивающихся объектов, таких как общество, язык и др.). Во-вторых, историчность объекта проявляется не только в способах его «обнаружения», но и в том, что его «репрезентации», возникающие и функционирующие на различных исторических стадиях познания, связаны между

собой логическими и содержательными переходами, так что есть возможность «узнавания» объекта в его «презентациях» и объяснениях, почему и чем эти «презентации» различны или сходны. В этом смысле принцип историчности оказывается необходимым условием раскрытия объективной логики познания.

В работе встречаются слегка утомительные повторы одной и той же мысли. Это не есть недостаток, как не является недостатком мелодии её лейтмотив. Но это может стать недостатком, когда лейтмотив заслоняет собой мелодию.

Наконец, поставлю диссертации в упрек избыточную реферативность отдельных её фрагментов, где изложение содержательных моментов исследуемых источников слишком подробно и отвлекает от основной линии аргументации.

Эти замечания могут быть приняты или отвергнуты автором – на то и полемика. Они не изменяют моего положительного отношения к диссертации, которая является серьёзным вкладом в современную философию науки и техники, а также в современную эпистемологию. Можно с уверенностью считать, что эта работа во многом изменит структуру и содержание разделов эпистемологии и философии науки, связанных с анализом принципа объективности научного знания, сделает их более понятными и вместе с тем – проблемными. Я бы рекомендовал включать диссертацию Л. В. Шиповаловой в списки необходимой к прочтению литературы по основным курсам философского образования в университетах. В этом один из аспектов практической значимости работы.

Диссертация соответствует специальности 09.00.08 – философия науки и техники.
Автореферат адекватен тексту диссертации.

В целом: докторская диссертация Л. В. Шиповаловой представляет собой крупный вклад в современную философию науки и техники, открывает новые перспективы её конструктивного развития. Она соответствует квалификационным требованиям, предъявляемым п. 9 «Положения о присуждении учёных степеней», а её автор, Шиповалова Лада Владимировна, присвоения ей учёной степени доктора философских наук по специальности 09.00.08 – философия науки и техники.

Доктор философских наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета – «Высшая школа экономики», почётный работник науки и техники РФ

Порус В. Н.

02.09.2014

Почтовый адрес: 140093 Московская область, г. Дзержинский, ул. Угрешская, 32, кв. 530.

E-mail: vporus@rambler.ru; тел.: 8 (495) 903-112-10-43

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

